

**“ОНИ ПЕРВЫМИ ПРОШЛИ ПО НЕХОЖЕНЫМ ТРОПАМ, ПОВТОРИВ ПОДВИГ
СЕМЬИ ПРНЧИЩЕВЫХ” (ИМЯ ИВАНА (ЯНА) ЧЕРСКОГО НА КАРТЕ
КРАЙНЕГО СЕВЕРА КОЛЫМСКОГО КРАЯ И РОЛЬ ЕГО ЖЕНЫ МАВРЫ
ПАВЛОВНЫ В ОСВОЕНИИ ЗАПОЛЯРНОЙ ЯКУТИИ)**

“Руками он закрыл лицо: – Кто поведет тропую дерзкой? – Однако, вы не из купцов? – Нет, я исследователь Черский” – такими словами начинается вторая глава “Поэмы о Черском” Андрея Игнатьевича Алдана-Семенова [1, 21].

Как о его товарище по несчастью ссыльном Чекановском, также мало было сказано и о Черском при жизни. Такое же первое упоминание в “Малом энциклопедическом словаре” Брокгауза и Ефрона 1896 года, свидетельствующие о том, что “Черский Иван Дементьевич, польский исследователь Восточной Сибири и Колымы, 1845–1892, за участие в польском мятеже 1863 был сослан. Изданы “Сведения об экспедиции Академии наук для исследования р.р. Яны, Колымы, Индигирки”. Скончался в 1892” [3, 1794]. Неслучайно, что для нас, писателей-маринистов и журналистов-историков, тема покорителей Арктики была, есть и останется основой для раскрытия личностей тех, про которых говорили (да и, надеюсь, будут говорить): “Вся жизнь подвиг”. И неслучайно совпадение имен Чекановского и Черского при рассмотрении такой темы, как образы мореплавателей и первооткрывателей. Абсолютно неслучайно, ибо родившись вдалеке от Арктики, свои подвиги они совершили там.

Арктика – это слово манило путешественников, исследователей, купцов. Она была сказочной страной для первопроходцев, но оказалась она страной бесчеловечной и в буквальном, и в переносном смысле. Но человек вошел в эту страну безмолвия, страну, ставшую доступной в принципе, но и откровенно враждебной ему. О ней, стране льдов и безмолвия, говорил М.В. Ломоносов: “Российское могущество будет прирастать Сибирью и Северным Ледовитым океаном” [14, 41]. И одним из тех, кто приращивал Арктику и был Черский, да не один, а с женой и даже сыном.

Выдающийся геолог, палеонтолог и географ Ян Доминикович (Иван Дементьевич) Черский родился 3 мая 1845 года в поместье Сволна Витебской губернии. По происхождению он был из литовских дворян. Как и многие его сверстники, обучался в гимназии, а затем в Виленском шляхетском институте (1859–1863). В возрасте 18 лет принял активное участие в Польском восстании, за что был арестован, осужден и сослан в Омск рядовым в 1-й Западно-Сибирский линейный батальон. Там, в Омске, он познакомился с известным русским путешественником Г.Н. Потаниным, со ссыльными поляками, инженером Марчевским, библиофилом В.И. Квятковским, часто встречался с академиком Миддендорфом. Черский начинает заниматься самообразованием, изучает геологию, анатомию, антропологию, зоологию и пишет свой первый научный труд “Геологический очерк окрестностей

Омска”. За усердие в “трудах научных” и покровительство Шмидта и Чекановского в 1869-м был оставлен на вечное поселение в Сибири [2].

Спустя шесть лет гонений, ссылок и лишений, появилась хоть какая-то надежда на более-менее человеческую жизнь (применительно к тому времени и месту, условиям). Началась эпоха Черского, которого товарищи по ссылке (в основном, поляки) называли “Янек-Ваня, наш белый орел тундры”, поскольку именно туда, в колымскую тундру, рвался “неистовый поляк” [11, 12]. Но сам, уже Иван Дементьевич, называл себя “славянином Польши, Белой Руси, Великой Руси и немножечко, Малой” [11, 17]. Именно по этому выражению Ивана (Яна) Черского “своим национальным” героем его считают и в Польше, и в Литве, и в Белоруссии, и в России, и даже в Украине, где жили все его остальные родственники.

Удивительно то, что попав в край ссыльнопоселенцев, практически все как один не опустили руки, более того, влюбились в этой край земли российской. И это касается не только Чекановского или Черского, но и автора Государственного Гимна Украины Павла Чубинского, этнолога Дыбовского, других каторжан: украинцев, русских, поляков, всех тех, кого “злая доля отправила на перевоспитание от революционной активности” [9, 59].

Уже в 1871-м Сибирский отдел Русского Географического общества вызвал Черского в Иркутск. Там он продолжил научную работу в тесном сотрудничестве с талантливым геологом А.Л. Чекановским, выдающимся исследователем Байкала Б.И. Дыбовским, путешественником Н. Гартунгом. Учитывая “особый статус” вольного поселенца, только-только освобожденного от воинской штрафной повинности, первые его исследования 1873-го, были проведены в районе Байкала (и Иркутск рядом, и в Польшу не убежит – считало губернское руководство). Да и некуда было бежать ему, поскольку семья отца в Витебской губернии обанкротилась, а здесь он нашел свое счастье. Но об этом, как и положено, все по порядку.

Первое свое исследовательское путешествие Черский совершил в 1873-м в район байкальского бассейна, т.е. рек, впадающих в Ангару. Спустя год в Восточные Саяны, но после всегда возвращался в Иркутск, причем не просто “на базу большой земли”, как говорят геологи, [8, 94].

Жизнь, хотя и в бессрочной ссылке, стала постепенно налаживаться. Еще в 1873 году Черский поселился у овдовевшей сибирячки Евфимии Елисеевны Ивановой. Ее дочка Мавра едва умела писать и читать, но всегда с любопытством рассматривала карты и книги. Иван Дементьевич, сначала, как педагог-ученый, занялся ее образованием и вскоре она стала постоянной помощницей ученого, а затем и помощником по жизни и исследованиям ... Ведь почти пятнадцать лет он был совершенно одинок (в соответствии с понятием жизни в социуме бытовом и общегражданском того периода): сибирские этапы, омские казармы, угол у дворника в музее, а теперь, наконец-то, 13 сентября 1877-го появилось счастье у бывшего ссыльного, а теперь ученого: у него семья, дом. Мавра Павловна ждала ребенка [11, 18].

А ведь недавно, еще каких-то десять лет назад, бывшие революционеры-националисты (как поляки, так и русские с украинцами), в принципе, “преданные

своими же вожаками” [16, 182], проживали в Братском остроге, считая это место раем на земле восточно-сибирской. И это действительно так, ибо многие остались навсегда, кто в том краю далеком, а кто и в неродной земле, как пелось в старинной песне-романсе каторжан [13, 72]:

*По диким степям Забайкалья,
Где золото роют в горах,
Бродяга, судьбу проклиная,
Тащился с сумой на плечах.*

*Бродяга к Байкалу подходит,
Рыбацкую лодку берет,
И грустную песню заводит,
Про родину что-то поет.*

*Бежал из тюрьмы темной ночью,
За правду он долго страдал –
Бежать больше не было мочи,
Пред ним простирался Байкал.*

*Бродяга Байкал переехал.
Навстречу родимая мать.
“Ах, здравствуй, ах, здравствуй, мамаша,
Здоров ли отец мой и брат?”*

*“Отец твой давно уж в могиле
Сырою землю зарыт,
А брат твой далеко в Сибири,
Давно кандалами звенит”.*

Но не дикие степи Забайкалья с их золотоносными рудниками прельщали Черского, а неизведанные богатства Восточно-Сибирского Заполярья⁶, хотя и Байкал пока еще оставался в планах ученого. В 1877-м, сразу же после женитьбы Черский приступил к изучению Байкала и составил первую геологическую карту его побережья. Впервые выдвинул идею эволюционного развития рельефа и предложил одну из первых тектонико-палеографических схем внутренних районов Сибири, а поздней осенью совершил путешествие на Верхнюю Ангару. А уже в 1878-м вместе с женой совершает новое путешествие к Байкалу, во время которого исследует приморский хребет, реки Большую и Банную, Баргузинский залив. За исследование Байкала Русское Географическое общество награждает Черского Золотой медалью. Начался этап признания Ивана (Яна) Дементьевича, как крупного ученого. Вслед за ними начались исследования рек северного Забайкалья (Ольхон и Онгурен), затем и Селенги. В августе 1879-го у Черских родился сын Александр⁷. Два года, с 1880-го по 1882-й, Черский исследовал бассейны рек Селенги и Нижней Тунгуски⁸.

1883-й стал особым годом в жизни всей семьи Черских, когда ее глава Иван (Ян) Дементьевич был полностью амнистирован и по приглашению Петербургской академии наук отправился вместе с семьей в Петербург, проведя во время почти двухлетнего пути подробное геологическое исследование почтового тракта от Иркутска до Урала [2, 113].

В 1886-м Русское Географическое общество поручает ему обработку материалов Александра Лаврентьевича Чекановского, собранных на Нижней Тунгуске, Оленеке и Лене, а известный путешественник и географ

⁶ Существует версия, что перед смертью Чекановский оставил завещание, в котором просил его научным наследником оставить Черского (прим. автора).

⁷ Александр пошел стопами отца, став геологом. Однако в 1919-м погиб при обследовании Курил (прим. автора).

⁸ Таким образом, он выполнил завещание своего друга и спасителя – Александра Чекановского (прим. автора).

Петр Петрович Семенов⁹ привлекает Черского к составлению дополнений к “Землеведению Азии” Карла Риттера.

Было и еще одно направление исследований Черского-Чекановского: течение второй половины позапрошлого века по всей Северо-Восточной Сибири, включая и Колыму, было зарегистрировано более тридцати находок мерзлых, но хорошо сохранившихся, трупов мамонтов и несколько экземпляров сибирских носорогов и Черский занялся обработкой коллекции костей этих ископаемых. Об этой коллекции Черский написал большую монографию, за что и был награжден второй золотой медалью Русского Географического общества¹⁰ [11, 21].

Но кабинетная жизнь в столице, тем более в условиях, когда быт людей, не был приспособлен к столичным нравам, ни Ивана (Яна) Дементьевича, ни Мавру Павловну не устраивал. Их тянуло в родные места, которые для жены были родными по сути, а для мужа – по призванию, да и дальнейшая работа требовала проведения “исследований на месте”, т.е. непосредственно в таежно-тундровой местности.

Тем не менее Черский продолжил изучение как своих коллекций, так и Геологического комитета, Петербургского университета и Военно-медицинской академии. В результате этой работы он написал монографию, опубликованную Академией наук, а через год она была издана на немецком языке.

Но по-прежнему оставалось неясным, каким образом попали на Крайний Север мамонты и сибирские носороги, останки которых продолжали находить в Сибири и на Колыме. Необходимо было уточнить вопрос о происхождении и родине этих млекопитающих и сохранить для науки хотя бы одну находку. Черский предложил свой план: он, как работник Академии наук, должен на несколько лет поселиться в Колымском крае. Академия наук решила отправить экспедицию на Колыму. Несмотря на плохое здоровье, Черский с большим увлечением взялся за организацию экспедиции, которая была отправлена в июне 1891-го [9, 149].

*Отсюда – только в неизвестность:
В хребты весны, в леса зимы,
Зовет неведомая местность
Материком из белой тьмы ...*

Именно так в “Поэме о Черском” С.И. Алдана-Семенова [1, 46] и сказано, что позвало ученого в новый путь, путь опасностей, приключений, неизвестности и риска.

В задачу экспедиции входили зоологические, геологические, ботанические исследования, сборы материалов. Необходимо было также произвести маршрутную съемку и нанести на карту все незнакомые земли, попутно собрать данные по этнографии и истории края. Путь экспедиции проходил по топкому бездорожью, зимним якутским почтовым трактом, от одной жилой юрты до другой. Из Якутска дорога шла на восток до подножья Верхоянского хребта. Участники экспедиции, а в месте с ним в нее вошли жена и сын, пересекли с большими трудностями крутые

⁹ Тогда еще просто Семенов, более известным Семеновым-Тянь-Шанским он станет лишь в октябре 1906 года (прим. автора).

¹⁰ Только медалью имени Федора Литке (прим. автора).

южные отроги хребта и прибыли в Оймьякон. На Зырянке Черский обнаружил месторождения каменного угля, которые разрабатываются в настоящее время.

В конце августа, а точнее 26-го, экспедиция после более чем двух месяцев путешествия прибыла в устье реки Ясачной, в поселок Верхнеколымск, в котором Черский оставался в течение девяти месяцев. Тяжелый путь и зимовка в холодном доме, сильные морозы и скудное питание вконец подорвали и без того слабое здоровье Черского. У него обострился туберкулез. Предвидя, что ему не удастся завершить начатое дело, Иван (Ян) Дементьевич привел в порядок все свои записи, наблюдения. Он приготовил письмо в Академию наук и в письменном распоряжении поручил жене Мавре Павловне без него продолжить и довести работу экспедиции до конца: “<...> экспедиция под управлением жены моей Мавры Павловны Черской должна все-таки ныне летом непременно доплыть до Нижне-Колымска ... Если экспедиция 1892 года не состоится в случае моей смерти, академия должна потерпеть крупные убытки и ущерб в научных результатах, а на меня, вернее, на мое имя, до сих пор ничем не запятнанное, ложится вся тяжесть неудачи. Только по возвращении экспедиции обратно в Верхне-Колымск она должна считаться законченной” [7, 126]. Свое письмо-завещание он закончил обращением к местным властям: “<...> смею надеяться, что местные власти за все время экспедиции благоволят способствовать ее целям так же, как это делалось ими и при моей жизни” [11, 23]. В конце мая могучая Колыма, взломав ледяной панцирь, ринулась вниз, в студеный океан. 31 мая 1892 года тяжело больного Черского на руках перенесли на карбаз¹¹. 10 июня экспедиция прибыла в острог Средне-Колымск. Черский уже не мог выходить на берег и взбираться на скалы. Он обессилел настолько, что рука отказывалась держать карандаш. С 20 июня все наблюдения вела его жена Мавра Павловна, а записи под диктовку отца или матери делал сын Саша. Но все же Черский приказывал подплывать к берегу около каждого интересного в научном отношении места [11, 23; 2, 195].

25 июня 1892 года самоотверженный исследователь в возрасте 47 лет безвременно скончался. Похоронен Черский в Колымской заимке, на левом берегу Колымы, против устья реки Омолон. На его могиле установлен памятник¹².

После смерти мужа Мавра Павловна, выполняя волю умершего, продолжила работу экспедиции по намеченному маршруту до Нижне-Колымска и зимним путём возвратилась в Иркутск, а оттуда в Петербург. Все материалы и коллекции, собранные Черским, были благополучно доставлены в Российскую академию наук. Все ценные наблюдения и данные, полученные Черским, широко использовались при новых, более детальных геологических исследованиях богатейших

---

¹¹ Небольшое деревянное плавсредство, отдаленно напоминающее плот с веслами, мачтой и палаткой, приспособленное для плавания по северным рекам (прим. автора).

¹² Согласно Постановлению Совета Министров РСФСР от 30 августа 1960 г. № 1327 “О дальнейшем улучшении дела охраны памятников культуры в РСФСР” могила Черского Ивана Дементьевича (1845–1892) – берег реки Колымы, против устья реки Омолон Таттинского района Як. АССР, объявлена объектом культуры и истории, под охраной государства.

месторождений полезных ископаемых (золота, олова, каменного угля) бассейнов рек Колымы, Яны и Индигирки¹³.

Существует еще одна версия того, что Черскому, в случае успешной экспедиции на Колыму, надлежало заняться впоследствии Новосибирскими островами, т.е. их описанием и предварительным изучением. Жена, а со временем вдова, Мавра Павловна, еще при жизни мужа обещала ему самой туда добраться, что Иван (Ян) Дементьевич ей категорически запретил. Однако эта версия нашла свое продолжение в многочисленных трудах, посвященных исследованиям ученых-полярников Толля, Седова, Обручева и Ушакова. В трудах С.В. Обручева, С.С. Гуревича, А.Н. Граниной, С.А. Смоляникова и В.А. Бондика указано, что именно ими были проведены описания Новосибирских островов, как завещание Черского [8, 223; 5, 165; 4, 186; 10, 166]. Там, в устье Колымы, а затем и на Новосибирских островах и пересеклись пути отважных полярников, выполнивших волю семьи Черских.

А что же Мавра Павловна? Мавра Павловна неукоснительно выполнила завещание своего мужа. Экспедиция, несмотря ни на что, сплавила до самого Нижне-Колымска, и съемка, а с ней и задачи экспедиции, таким образом, были доведены до конца. Остались воспоминания Мавры Павловны о последних днях Ивана (Яна) Дементьевича [5]. Благодаря им и труду С.С. Гуревича "Последние годы М.П. Черской", мы знаем, какими были последние дни русского полярника, поляка по духу, литвина по рождению, патриота по совести: "Теперь день за днем, минута за минутой она аккуратно отмечала путь экспедиции, записывала метеорологические данные, номера образцов собранных пород и окаменелостей. Ночью 22 июня сильный кашель не давал ему забыться даже на минуту. Среди других записей за этот день Мавра Павловна отмечает: "Мужу хуже, силы его совсем слабеют". 24 июня. "Боюсь? доживет ли муж до завтра? Боже мой, что будет дальше?". 25 июня запись в дневнике начинается словами: "Всю ночь муж не мог уснуть, его мучили сильные спазмы". Потом идут подробные описания виденного и собранного за этот день... И опять о состоянии больного: "В 11.54 на левом берегу проплыли речку Кривую. Пристать к берегу нельзя, потому что крутые яры. Муж показал рукой на шею, чтобы прикладывать холодные компрессы. Через несколько минут одышка уменьшилась, и сейчас же пошла кровь из носа". Сгустки крови застревали в горле, и Мавра Павловна пыталась пинцетом вытаскивать их, а сам умирающий помогал ей. Когда настали последние минуты, Иван Дементьевич еле-еле успел с трудом сказать: "Подготовься, Маша, будь мужественна в несчастье". Она понимала, естественно, что конец его близок, но ее силы тоже подходили к концу. Священник Сукачевский "очевидец событий" вспоминал позднее: "Иван Дементьевич сидел, опустив голову на руки, и о чем-то, кажется, думал. Но, услышав разговор жены с сыном, разговор о том, как сын должен поступить со всеми оставшимися бумагами, если она не выживет, Иван Дементьевич поднял голову и стал прислушиваться, а когда разговор был

¹³ Словом, все то, чем сегодня богата Колыма, как край (прим. автора).

окончен, обращаясь к сыну, произнес: “Саша, слушай и исполняй”. И с этими словами умер” [5, 172].

Современные медики, специалисты в области экстремальной медицины [6], самым внимательным образом изучавшие “скорбный лист”, совершенно единодушны в диагнозе: “Непосредственной причиной смерти Черского явился, судя по всему, туберкулез или рак легких”.

Позднее в своей автобиографии Мавра Павловна писала: “Мне хотелось похоронить мужа вблизи какого-нибудь селения. Однако из-за бури, мешавшей плаванию, простояли у устья Прорвы трое суток. 28 июня карбазы спустились до заимки Колымской, несколько выше устья реки Омолон, где и было решено похоронить Черского. Из бревна, принесенного течением, было наскоро сооружено некоторое подобие гроба, куда были положены останки покойного мужа. Затем стали рыть могилу, но на глубине 1/2 аршина земля оказалась настолько мерзлой, что лопаты пришлось отбросить и рыть могилу исключительно при помощи топора. Только 1 июля состоялись, наконец, похороны, а позже на могиле были поставлены крест и ограда”. На берегу устья Прорвы на месте смерти Черского позднее был также поставлен крест с надписью. В 1929 году гидрографическая экспедиция И.Ф. Молодых поставила на могиле Черского столб с медной доской, с надписями на русском и польском языках, а позже здесь был поставлен каменный памятник.

Так закончилась экспедиция Черского, но не закончилась история его подвига – научного и гражданского.

Один из последователей Черского и его семьи С.В. Обручев во многом в своих открытиях шел по следам Ивана (Яна) Дементьевича и Мавры (Марфы) Павловны. В 1926 году он отправляется в новую далекую экспедицию в Якутию. Перед ним еще менее известная страна, практически огромное “белое пятно”. Вместе со своими спутниками Обручев вновь идет по местам, где после Черского не ступала нога исследователя. Ведь никто из геологов и географов никогда не видел Индигирку в верхнем ее течении. Сама местность оказалась совсем не такой, как это следовало из разных слухов и рассказов. По предложению известного геолога С.В. Обручева, система горных хребтов, пересекающих реки Колыму и Индигирку, названа именем Черского. Эта система простирается от нижнего течения Яны до верховьев Колымы на 1600 км, занимает в ширину до 400 км и состоит из двух самостоятельных цепей.

Имя Ивана (Яна) Дементьевича Черского сохранено не только в памяти русского, польского, литовского, белорусского и украинского народов, но и сохранено на картах Восточной и Заполярной Сибири. Именем Ивана, а в других случаях Яна, названы: поселок Черский на Колыме в Якутии (ныне райцентр), два горных хребта в Сибири, Пик Черского – горная вершина на Хамар-Дабане, Гора Черского – горная вершина на Байкальском хребте, Берег Черского на берегу Байкала в Баргузинском заповеднике, Иркутское товарищество белорусской культуры имени Яна Черского и проезд Черского в Москве [12, 1522].

Имя Ивана (Яна) Черского стало визитной карточкой заполярной Якутии, которым гордится поселок полярников, пограничников, рыбаков, геологов, летчиков полярной авиации и оленеводов Черский [11, 24; 15].

Можно было бы поставить точку в данной статье о научном подвиге Черского, но история тем и хороша, что если ее не забывать, то продолжение следует. Всемирный полярный комитет посчитал, что для подготовки полярников для многолетних экспедиций необходимо найти соответствующий полигон для их подготовки. Изучив многие районы Крайнего Севера Норвегии, Гренландии, США (Аляски) и России, ученые с мировыми именами пришли к выводу, что таким районом, с крайне невыносимыми условиями, может быть только один – район Хребта Черского. И, что интересно, для реализации этого проекта в 1998-м были предложены волонтеры британского спецназа.

Несмотря на очевидную нелепость и неосуществимость подобного “политического” мероприятия, армейская неразбериха 90-х годов в России и, по-видимому, опора на одну из престижных мировых валют (фунт стерлингов) позволила подготовить и провести этот “марш-бросок” по Заполярной Сибири группе из нескольких десятков британских горных десантников, оснащенных легким вооружением и вспомогательной гусенично-колесной военной техникой. Горно-ледовый переход прошел, в целом, успешно. “Ложкой дегтя” оказался психологический срыв двух участников ... Срыв не удалось купировать военным психологам, приданным отряду, ввиду чего потерпевших срочно отправили в Лондон в руки опытных психиатров. На заданный вопрос о причине срыва, последовал ответ: “<...> Очень сложный район, крайне плохие условия и непредвиденно большое воздействие комаров”. На основании этого мировыми учеными был сделан стратегический вывод о появлении в оборонном арсенале России, помимо известного фактора – “плохие дороги”, нового фактора – “отечественные кровососущие насекомые” [17]. Но Черскому они почему-то не стали преградой. Значит Крайний Север вновь ждет новых своих героев, исследователей и первопроходцев “по новой” ...

Литература

1. Алдан-Семенов А. И. Поэма о Черском : [поэма] / А. И. Алдан-Семенов. – М. : Советский писатель, 1960. – 124 с.
2. Алдан-Семенов А. И. Черский : [серия ЖЗЛ] / А. И. Алдан-Семенов. – М. : Молодая гвардия, 1962. – 222 с.
3. Брокгауз Ефрон : [малый энциклопедический словарь]. – С.-Петербург : Типография акц. общ. “Издательское дело, Брокгауз-Ефронъ”, 1896. – Выпуск V. – 498 с.
4. Гранина А. Н. И. Д. Черский : [исторический сборник] / А. Н. Гранина. – Улан-Удэ. : Географгиз, 1952. – 240 с.
5. Гуревич С. С. “Последние годы М. П. Черской” : [исторический сборник] / С. С. Гуревич. – М. : Географгиз, 1954. – 200 с.
6. Евгений Иорданишвили – профессор МЗ СССР и Герман Андреев – врач-спасатель МЗ СССР “Смертельная Арктика” : [научная статья к 100-летию со дня смерти Черского И. Д.]. – М. : Медицинский вестник, 1992.

7. Зарина В. Путешествие М. П. Черской : [исторический сборник] / В. Зарина. – М. : Географгиз, 1952. – 220 с.
8. Обручев С. В. В неизведанные края : [сборник исторических и научных статей] / С. В. Обручев. – М. : Молодая гвардия, 1953. – 388 с.
9. Ревзин Г. И. Подвиг жизни Ивана Черского : [историческая повесть] / Г. И. Ревзин. – М. : Главсевморпуть, 1952. – 248 с.
10. Смоляников С. Тайна трех капитанов : [исторический сборник] / С. Смоляников, В. Бондик. – К. : СПД, 2007. – 340 с.
11. Смоляников С. Белый орел тундры – имя Черского на карте Заполярья : [исторический сборник] / С. Смоляников, В. Михайлов. – К. : СПД, 2008. – 24 с.
12. Советский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1985. – 1600 с.
13. Такун Ф. И. Славянский базар : [музыкальный сборник-песенник] / Ф. И. Такун. – М. : Современная музыка, 2005. – 320 с.
14. Ушаков Г. А. По нехоженой земле : [научно-исторический сборник] / Г. А. Ушаков. – М. : Молодая гвардия, 1953. – 406 с.
15. Официальный сайт поселка Черский.
16. Широкоград А. Польско-российские войны : [исторический сборник] / А. Широкоград. – Минск : Харвест, 1999. – 380 с.

Аннотация

В статье исследуется деятельность экспедиций Ивана (Яна) Черского на Крайнем Севере Колымского Края и роль его жены Мавры Павловны в освоении Заполярной Якутии.

Ключевые слова: Иван (Ян) Черский, “Поэма о Черском”, экспедиция.

Анотація

У статті досліджується діяльність експедицій Івана (Яна) Черського на Крайньому Півдні Колимського Краю та роль його дружини Маври Павлівни в освоєнні Заполярної Якутії.

Ключові слова: Іван (Ян) Черський, “Поєма про Черського”, експедиція.

Summary

The activity of expeditions by Ivan (Jan) Cherskiy on the extreme south of the Kolymsk region and the role of his wife Mavra Pavlovna in the development of the Polar Yakutia are considered in the article.

Keywords: Ivan (Jan) Cherskiy, “The poem about Cherskiy”, expedition.

МАРИНІСТИЧНИЙ ТЕКСТ У ЛІТЕРАТУРІ

УДК 821.161.1.021(075.8)

Шевченко Л.И.,
доктор филологических наук,
Университет имени Яна Кохановского

ЭПИЧЕСКОЕ И ЛИРИЧЕСКОЕ НАЧАЛА В РАССКАЗЕ ИННЫ ГОФФ “САГА О СТАРОМ КОРАБЛЕ”

По всей вероятности, море и все, что у нас ассоциируется с морской стихией, уже по определению не могут не вызывать чувств как эпического, так и лирического порядка. Отсюда и появление произведений на “морскую” тематику как